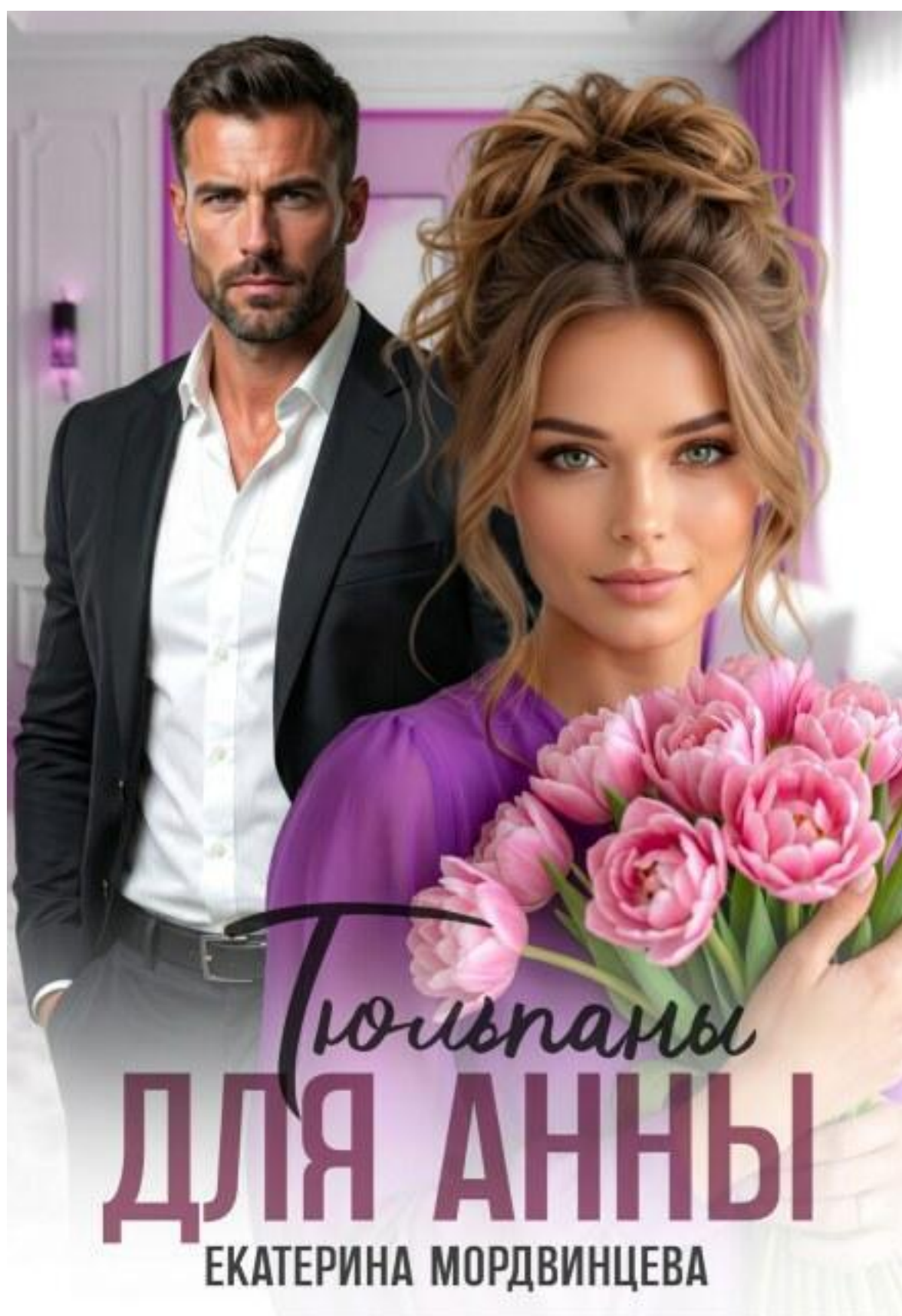

Тюльпаны
ДЛЯ АННЫ
ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

Екатерина Мордвинцева

Тюльпаны для Анны

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Тюльпаны для Анны / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Учительница, тайный поклонник, букет без подписи и запрет на чувства. Анна привыкла жить по правилам: работа, тетради, книги. Но когда в её жизни появляется Алексей — отец ученика с тёмными глазами и печальной улыбкой, — привычный мир рушится. Он дарит цветы, приглашает на ужин, но Анна отказывает, уверенная, что он несвободен. Сможет ли она признать свою ошибку и поверить в любовь, когда обстоятельства против них?

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	24
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пролог

Будильник зазвенел в 6:45, и я машинально нажала на кнопку «отбой», даже не открывая глаз. Этот звук стал настолько привычным за восемь лет работы в школе, что мой организм выработал идеальный механизм: проснуться ровно за полчаса до выхода, не впадая в панику, но и не позволяя себе роскоши долго нежиться в постели.

За окном ещё темно. В начале марта солнце только начинает свою борьбу с остатками зимней ночи, и в шесть утра за окном всё ещё царит серо-синяя дымка, которую так любят художники-импрессионисты. Я потянулась, чувствуя, как приятно ноют мышцы после вчерашнего спонтанного решения пройтись пешком от школы до дома. Зима в этом году выдалась затяжная, слякотная, такая, когда уже к февралю начинаешь ненавидеть серое небо, вечные лужи под ногами и необходимость таскать с собой тяжёлое пальто, которое, кажется, весит больше тебя самой.

Но сегодня... Сегодня в воздухе чувствовалось что-то другое.

Я села на кровати, потирая глаза. Даже сквозь плотные шторы пробивался какой-то особенный свет — не резкий, зимний, а мягкий, обещающий. Я отодвинула ткань и замерла.

Небо на востоке начинало розоветь. Самой нежной, едва уловимой акварелью, словно какой-то невидимый художник смешал на своей палитре каплю алого с большим количеством молока и воздуха. Деревья за окном всё ещё стояли голые, но их чёрные ветви казались уже не мрачными, а графичными, как на старинных японских гравюрах. А где-то между ними, на самом кончике одной ветки, я заметила крошечную набухшую почку.

Март.

Я улыбнулась своим мыслям, хотя обычно в шесть утра я не улыбаюсь ничему, кроме чашки крепкого чёрного чая. Сегодня был особенный день. Среда, шестое марта. До праздника оставалось два дня, но главное — сегодня был последний учебный день перед длинными выходными. Четвёртое и пятое мы отдыхали, а седьмого числа в школе проводился традиционный утренник для младших классов, который меня, слава богу, не касался. То есть сегодня — последний урок, а потом три с половиной дня свободы.

Три с половиной дня, когда можно не проверять тетради до полуночи, не придумывать, как объяснить семиклассникам, почему «Евгений Онегин» — это не скучно, и не выслушивать жалобы завуча на то, что в журналы вовремя не выставлены оценки.

Я чувствовала себя почти счастливой.

Ванная комната встретила меня привычным холодком кафеля и запахом мятной зубной пасты. Я смотрела на своё отражение в зеркале и пыталась быть объективной: двадцать восемь лет, русые волосы до плеч, которые вечно приходится собирать в пучок, потому что распущенные они выглядят слишком... по-девчоночьи, что ли. Серые глаза, которые коллеги называют «пронзительными», а ученики — «строгими». В меру бледная кожа, которой не хватает солнца, и несколько веснушек на переносице, которые я втайне считаю своей единственной милой чертой.

— Анна Сергеевна, — сказала я своему отражению шёпотом, как делаю каждое утро, настраивая себя на рабочий лад. — Сегодня будет хороший день.

Я выбрала платье. Не потому, что предстояло что-то особенное, а просто потому, что захотелось. Серое, вязаное, с высоким воротом и длинными рукавами — оно было удобным, тёплым и при этом не таким скучным, как мои обычные брючные костюмы. Я добавила к нему шарф цвета лаванды — подарок подруги Лены на прошлый день рождения, который до сих пор лежал в шкафу, дожидаясь «особого случая».

«А почему бы и нет?» — подумала я, завязывая его свободным узлом. — «Сегодня последний день перед выходными. Это уже особенный случай».

Чай я пила на кухне, стоя у окна и наблюдая, как город просыпается. Моя квартира находилась на четвёртом этаже старой сталинской пятиэтажки, и из окна открывался вид на крошечный сквер с тремя старыми липами и детской площадкой. Сейчас сквер был пуст, только дворник в оранжевом жилете размеренно двигал метлой по ещё влажному асфальту, собирая остатки прошлогодней листвы.

В семь пятнадцать я вышла из дома.

Воздух был именно таким, как я люблю: холодным, но уже не зимним, без той колючей жестокости, которая заставляет щипать щёки до красноты. В нём чувствовалась влажность, запах тающего снега, прелой листвы и чего-то ещё — неуловимого, едва уловимого, того самого «запаха весны», который невозможно описать словами, но который узнаёшь с первого вдоха.

Я натянула перчатки, поправила сумку на плече и пошла к остановке. До школы было двадцать минут пешком, но сегодня мне хотелось пройтись, вдохнуть этот утренний воздух сполна, почувствовать, как настроение поднимается с каждым шагом.

Город в это время суток принадлежит тем, кто вынужден вставать рано. Учителя, врачи, продавцы в маленьких булочных, водители троллейбусов. Мы все выглядим немного сонными, немного замученными жизнью, но при этом нас объединяет какое-то странное братство: мы видим город таким, каким его не видят те, кто просыпается в девять. Мы знаем, как красиво розовеет небо над крышами хрущёвок, как пронзительно синими становятся лужи в рассветном свете, как звонко щебечут воробьи на голых ветвях, предвкушая тепло.

Я шла медленно, никуда не торопясь. До школы я всегда выходила с запасом, и сегодняшние двадцать минут я могла растянуть на полчаса, позволяя себе останавливаться у витрин ещё закрытых магазинов, рассматривать афиши на остановках, улыбаться прохожим просто так, без причины.

На углу улицы Советской и переулка Школьного я заметила цветочный киоск. Он уже работал — маленький, ярко-зелёный, похожий на игрушечный домик. Из его открытого окошка тянуло запахом свежих цветов и земли. Я невольно замедлила шаг, разглядывая букеты, выставленные в вёдрах.

Тюльпаны. Много тюльпанов. Красные, жёлтые, розовые, фиолетовые, двухцветные — они стояли плотными рядами, как маленькая армия, готовящаяся к своему главному сражению. Восьмое марта приближалось, и цветочный бизнес входил в свою штормовую фазу.

Я задержала взгляд на оранжевых. Самых ярких, почти светящихся в сером утреннем свете. Они выглядели так, словно кто-то собрал в их лепестках всё тепло уходящего лета и спрятал до весны.

— Девушка, купить? — раздался хриловатый голос продавщицы, полной женщины в пуховом платке. — Хорошие тюльпаны, свежие. К празднику дороже будут.

Я улыбнулась и покачала головой.

— Спасибо, не надо. Я так, люблюсь.

— Любоваться можно, — философски заметила женщина. — Но лучше дарить. Или принимать.

Я пошла дальше, оставив её слова висеть в утреннем воздухе. «Принимать». Давно я ничего не принимала в подарок от мужчин, если не считать прошлогодний шарф от Лены, который она вручила мне со словами: «Носи, хоть кто-то же должен тебя баловать».

В моей жизни давно уже не было цветов. И ухаживаний. И вообще мужчин, если честно. Последние отношения закончились три года назад, и я до сих пор не могла понять, то ли я действительно настолько занята работой, то ли просто разучилась впускать кого-то в своё личное пространство.

Школа показалась вдали — большое трёхэтажное здание из красного кирпича, построенное ещё в шестидесятых, но ухоженное и даже уютное. Перед главным входом росли две

огромные берёзы, которые летом давали густую тень, а сейчас стояли голые, но уже не казались мёртвыми — в их ветвях тоже набухали почки.

Я поднялась на крыльцо, толкнула тяжёлую деревянную дверь и шагнула в царство казённого тепла, запахов мела, дешёвого освежителя воздуха и школьной столовой, откуда всегда тянуло выпечкой.

Бахтёрша тётя Галя уже сидела на своём месте — монументальная, в цветастом халате поверх тёплого свитера, с очками на самом кончике носа. Она подняла на меня глаза поверх газеты, которую читала, и кивнула:

— Анна Сергеевна, доброе утро! Рано вы сегодня.

— Доброе, тётя Галя. Решила пройтись пешком, вот и вышла пораньше.

— Хорошо пешком, полезно, — одобрила она. — А то всё на своих ногах, всё бегом-бегом. Весна уже, надо воздухом дышать.

— Согласна, — улыбнулась я, расписываясь в журнале прихода.

— Там это... — тётя Галя замялась, словно подбирая слова. — В учительской вам сюрприз. Я не знаю, кто, но принесли рано утром, ещё до семи.

Я подняла бровь, но не стала расспрашивать. Мало ли сюрпризов бывает в школе? Обычно это означает, что кто-то из коллег испёк пирог к чаю или завуч разложила на столах методические материалы.

— Спасибо, сейчас посмотрю.

Я прошла по длинному коридору первого этажа, мимо стенда с грамотами, мимо расписания звонков, мимо двери в столовую, откуда уже доносился звон посуды и голоса поваров. Лестница на второй этаж привычно скрипнула под моими ногами. Я поднималась медленно, наслаждаясь этой утренней тишиной, которая бывает в школе только в первые полчаса после открытия — пока не пришли ученики, пока коридоры не наполнились детским гомоном, топотом ног и криками «Здрасьте!» на все лады.

Учительская находилась в конце коридора второго этажа, рядом с кабинетом директора. Дверь была приоткрыта, и изнутри лился мягкий свет — кто-то уже включил лампы.

Я толкнула дверь и шагнула внутрь.

И замерла на пороге.

На моём столе стоял букет.

Не маленький скромный букетик, который иногда дарят ученики после праздничных концертов, когда кто-то из родителей вспоминает, что надо бы поздравить учителя. Нет. Это была огромная, роскошная охапка цветов, которая, казалось, занимала половину столешницы.

Я не могла пошевелиться. Не могла отвести взгляд. Не могла даже вдохнуть, потому что воздух в учительской вдруг наполнился таким ярким, густым, сладковатым ароматом, что у меня закружилась голова.

Тюльпаны. Солнечно-жёлтые и пламенно-оранжевые, переплетённые в сложную композицию с веточками зелени, с мелкими белыми цветами, названия которых я не знала, с тонкими стеблями какого-то ползучего растения, которое мягко спадало по краям вазы. Ваза тоже была не простой — не стандартная школьная, из тех, что мы используем для гербариев или забытых кем-то букетов. Высокая, прозрачная, с затейливыми гранями, преломляющими свет так, что по стене бежали крошечные радужные зайчики.

Я медленно подошла к столу, словно боясь спугнуть это чудо. Пальцы сами собой потянулись к лепесткам — нежным, бархатистым, ещё прохладным, словно цветы только что принесли с улицы.

Двадцать один. Я пересчитала. Двадцать один тюльпан — три букета по семь, переплетённых в один. Семь — это число удачи, как любила говорить моя бабушка. А трижды семь — это...

Я не знала, что это. Я вообще ничего не знала в этот момент.

Взгляд упал на маленькую открытку, зажатую между стеблями. Белый картон, без рисунка, без виньеток, просто маленький прямоугольник, на котором чьим-то уверенным, красивым почерком было выведено:

«Улыбнитесь весне. Вы её украшение».

Я перечитала эту фразу раз, другой, третий. Сердце билось где-то в горле, и я чувствовала, как кровь приливает к щекам, делая меня похожей на ту самую школьницу, которой кто-то впервые признаётся в любви.

Ни подписи. Ни намёка на отправителя. Ничего.

— Ого! — раздался звонкий голос за моей спиной, и я вздрогнула, едва не уронив открытку. — Анна Сергеевна, это вам?!

Я обернулась. В дверях стояла Марина, молодая учительница английского, которая работала в школе второй год и всё ещё смотрела на мир с восторгом новичка. Её глаза были размером с блюдца, а рот растянулся в восхищённой улыбке.

— Похоже, что мне, — сказала я, пытаясь придать голосу спокойствие, которого совершенно не чувствовала.

— Это потрясающе! Какие они красивые! — Марина подлетела к столу, протягивая руку, чтобы дотронуться до лепестков, но в последний момент отёрнула её, словно боялась испортить. — Это кто? От кого?

— Не знаю, — честно призналась я. — Записка без подписи.

— Без подписи? — Марина взяла открытку, прочитала фразу вслух и издала какой-то странный писк. — «Вы её украшение»... Это же... Это же романтично! Это очень романтично! Тайный поклонник!

— Не говори глупости, — я попыталась улыбнуться, но голос предательски дрогнул. — Может быть, это просто... Ну не знаю. Акция какая-нибудь. Или ошиблись адресом.

— Ошиблись адресом? — Марина посмотрела на меня с таким выражением, словно я сказала, что земля плоская. — Анна Сергеевна, на вашем столе. С запиской, где написано именно вам. Это не ошибка.

Я открыла рот, чтобы возразить, но не нашла слов. Потому что она была права. Это не могло быть ошибкой.

— Ладно, — сказала я, отводя взгляд от букета и направляясь к своему стулу. — Мне нужно готовиться к уроку. Первый — седьмой «Б».

— Вы даже не попытаетесь узнать, от кого? — не унималась Марина.

— А как? — я пожала плечами. — Букет принесли до семи, тётя Галя не видела, кто именно. В записке ничего нет. Буду гадать?

— Может, это кто-то из коллег? — предположила Марина. — Семён Игнатьевич? Он на прошлой неделе стихи на перемене читал.

Я фыркнула. Семён Игнатьевич, учитель физкультуры шестидесяти двух лет, был известным поэтом-любителем и писал стихи решительно всем женщинам в школе — от директора до уборщиц. Но букеты он не дарил никогда, ограничиваясь распечатанными на принтере листочками с четверостишиями.

— Вряд ли. Тюльпаны дорогие, а Семён Игнатьевич экономит на всём, даже на бумаге для принтера.

— Тогда родители? — продолжала допытываться Марина. — У вас же семиклассники, у них родители молодые. Может, кто-то из пап...

Я поморщилась. Эта тема всегда вызывала у меня неловкость. Родительские комитеты, собрания, индивидуальные беседы — всё это было частью работы, но когда дело касалось личного, я предпочитала держать дистанцию. Учитель и родитель — это разные берега, и переходить их я считала непрофессиональным.

— Марина, — твёрдо сказала я. — Мне правда нужно готовиться.

Она поняла намёк, но на прощание бросила:

— Всё равно это очень красиво. И очень романтично. Вы хоть улыбнитесь весне, как написано.

Она вышла, и я осталась одна с букетом, который, казалось, заполнил собой всю учительскую, отвоевав у серых стен и старой мебели маленький островок весны.

Я села за стол, пытаясь сосредоточиться на конспекте урока. Мы проходили с седьмым «Б» «Станционного зрителя» Пушкина. Тема была отработанная до мелочей: я знала, что скажу, какие вопросы задам, где сделаю паузу, где приведу пример из современной жизни. Но сегодня слова путались, мысли ускользали, а взгляд то и дело возвращался к тюльпанам.

«Улыбнитесь весне. Вы её украшение».

Кто мог это написать?

Я перебирала в голове возможных кандидатов, хотя понимала, что это бессмысленно. Мой круг общения был до смешного ограничен: школа, дом, редкие встречи с Леной, ещё более редкие походы в театр или кино. Мужчины в моей жизни если и появлялись, то проходили где-то далеко, по касательной, не оставляя следов.

Отец Серёжи Смирнова, который месяц назад приходил на родительское собрание? Высокий, темноволосый, с усталыми глазами и спокойным голосом. Он произвёл впечатление — серьёзный, внимательный, не из тех, кто отмахивается от проблем ребёнка фразой «сами разбирайтесь». Но мы обменялись тогда всего несколькими фразами, и он вёл себя безупречно вежливо, как и подобает родителю на собрании.

Игорь из книжного магазина, куда я заходила за новинками? Он всегда улыбался, когда я появлялась, и однажды даже предложил скидку «для постоянных покупательниц». Но это было два месяца назад, и с тех пор я там не была.

Лёша, бармен в кофейне, где я иногда беру кофе с собой? Он всегда называет меня «Анна Сергеевна», потому что я прихожу в своём учительском и он знает, где я работаю. Но он слишком молод, ему лет двадцать два, не больше.

Водитель троллейбуса, который каждое утро притормаживает на моей остановке чуть дольше обычного, давая мне добежать, если я опаздываю?

Я усмехнулась своим мыслям. С каждым новым предположением ситуация становилась всё более абсурдной. Я, учительница литературы с десятилетним стажем (если считать университетскую практику), сижу и гадаю, как героиня дешёвого романа, кто прислал мне цветы.

— Анна Сергеевна! — в учительскую влетела запыхавшаяся Ирина Петровна, учительница начальных классов, и остановилась как вкопанная, увидев букет. — Ой! Это что?

— Доброе утро, — ответила я, пряча улыбку. — Цветы.

— Вижу, что цветы, — Ирина Петровна подошла ближе, рассматривая композицию с профессиональным интересом. — Тюльпаны... голландские, судя по всему. Свежие, только что из теплицы. Кто?

— Не знаю.

— Не знаешь? — она подняла бровь. — Тайный поклонник?

— Похоже на то.

— А ты не рада?

Я задумалась. Рада ли я? Странное, давно забытое чувство разливалось где-то в груди, заставляя сердце биться быстрее, а на губах появляться глупую улыбку. Это было похоже на то, что я испытывала в шестнадцать лет, когда мне впервые подарили цветы. Тогда это был скромный букетик полевых ромашек от одноклассника, который долго мялся у доски, прежде чем сунуть мне его в руки.

Сейчас мне было двадцать восемь. Я была взрослой женщиной, учителем, человеком, который привык держать всё под контролем. Но букет из двадцати одного тюльпана и фраза

«Вы её украшение» сделали то, чего не удавалось никому и ничему за последние три года: они заставили меня почувствовать себя... красивой. Заметной. Желанной.

— Наверное, рада, — тихо сказала я.

Ирина Петровна, женщина практичная и лишённая сентиментальности, к моему удивлению, не стала продолжать расспросы. Она только кивнула с каким-то странным выражением — то ли одобрения, то ли понимания — и прошла к своему столу, который стоял у окна.

Я вздохнула и снова взялась за конспект.

Звонок на первый урок прозвенел через двадцать минут. Я собрала папки, взяла журнал и, уже выходя из учительской, бросила последний взгляд на букет. Он стоял на столе, яркий и живой, как маленький кусочек настоящего лета посреди ещё зимней школы.

Седьмой «Б» вёл себя на удивление тихо. Или это мне только казалось? Я стояла у доски, рассказывала о Самсоне Вырине, о его дочери Дуне, о том, как любовь может быть одновременно и спасением, и проклятием. Ученики слушали — по крайней мере, первые три парты. На четвёртой, как обычно, Саша Мельников рисовал что-то в тетради, а на последней сидел Серёжа Смирнов, который перевелся к нам только в феврале и пока держался особняком.

Я поймала себя на том, что смотрю на него дольше, чем следовало бы. Мальчик был внешне похож на своего отца — те же тёмные волосы, тот же разрез глаз, та же спокойная, немного замкнутая манера держаться. Серёжа учился средне, не выделялся, не хулиганил, но и не стремился к контакту — ни с одноклассниками, ни с учителями.

— Серёжа, — позвала я. — А как ты думаешь, почему Самсон Вырин не поехал за дочерью в город?

Мальчик поднял на меня свои тёмные глаза, и в них было что-то взрослое, какая-то преждевременная серьёзность.

— Он боялся, — тихо сказал Серёжа. — Боялся увидеть, что она его больше не любит. Боялся, что она его стыдится. Проще было остаться одному и ждать, чем идти и узнать правду.

В классе повисла тишина. Я смотрела на мальчика и чувствовала, как что-то сжимается в моей груди. В тринадцать лет так говорить о любви, о страхе, одиночестве... Откуда в нём это?

— Очень точное наблюдение, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Это действительно один из важнейших моментов повести: страх перед правдой, который оказывается сильнее любви. Сильнее надежды. Сильнее всего.

Мы продолжили урок, но осадок от Серёжиных слов остался. После звонка я задержала его на минуту.

— Серёжа, у тебя всё хорошо? — спросила я, когда класс опустел.

Мальчик пожал плечами.

— Нормально.

— Если нужна помощь — с учёбой или ещё с чем-то — ты можешь обратиться.

Он кивнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на скептицизм. Я не обиделась. В тринадцать лет мало кто верит в искренность учительских предложений.

После второго урока у меня было «окно», и я вернулась в учительскую, чтобы попить чаю и проверить тетради. Букет всё так же стоял на столе, и каждый раз, когда я поднимала глаза от стопки сочинений, взгляд упирался в яркие пятна жёлтого и оранжевого.

Коллеги заходили, ахали, спрашивали, я пожимала плечами и отвечала, что не знаю. Кто-то — кажется, учитель музыки Валентина Ильинична — заметила: «Это же надо, как романтично. А мы уж думали, Анна Сергеевна, вы навсегда в библиотеку переселились».

Я сделала вид, что не поняла намёка.

К концу дня букет стал для меня привычным, но волнение никуда не делось. Оно пряталось где-то глубоко, в районе солнечного сплетения, и при каждом взгляде на тюльпаны напоминало о себе лёгкой дрожью в пальцах и участившимся пульсом.

В четыре часа я собралась домой. Взяла сумку, надела пальто, подошла к столу и... остановилась. Букет оставался на месте. Я не могла его оставить здесь до пятницы — через два дня он завянет, а в понедельник тётя Галя просто выбросит его, как выбрасывает всё, что остаётся в учительской на выходные.

— Заберёшь? — спросила Ирина Петровна, собирающаяся следом.

— Наверное, да, — я осторожно взяла вазу. Она была тяжёлой, и мне пришлось прижать её к себе, чтобы нести удобнее.

— Правильно, — одобрила коллега. — Такие цветы нельзя оставлять. Это тебе подарок.

Я вышла из школы, чувствуя себя немного неловко. Идти по улице с огромным букетом, когда вокруг все спешит по своим делам, было странно. Несколько прохожих обернулись, кто-то улыбнулся, женщина в очереди на остановке проводила меня взглядом, полным смеси зависти и умиления.

Я решила не ждать троллейбус, а пойти пешком. Двадцать минут с тяжёлой вазой в руках — это было не очень удобно, но мне хотелось продлить этот день, это странное чувство, которое поселилось во мне сегодня утром и не отпускало до сих пор.

Вечерний город был другим, не таким, как утром. Солнце уже садилось, и его последние лучи золотили крыши домов, делали окна огненными, а небо — фиолетово-розовым. Мои тюльпаны в этом свете казались ещё ярче, ещё живее, словно они светились изнутри, подпитываясь закатом.

Дома я долго искала, куда поставить букет. Моя маленькая квартира, обычно такая уютная и привычная, вдруг показалась мне тесной и не слишком подходящей для такой красоты. В конце концов я водрузила вазу на обеденный стол, сдвинув в сторону стопку непроверенных сочинений.

Я сварила ужин, съела его почти не чувствуя вкуса, вымыла посуду и села в кресло с книгой. Но читать не могла. Строчки сливались, мысли возвращались к утру, к учительской, к записке, к этому незнакомцу, который решил, что я украшение весны.

Кто ты? — мысленно спросила я, глядя на тюльпаны. — Почему ты не подписался? Чего ты ждёшь?

Ответа, конечно, не было.

Ночью мне снились цветы. Целое поле тюльпанов — жёлтых, оранжевых, красных — которое тянулось до самого горизонта. Я шла по нему босиком, чувствуя под ногами прохладную влажную землю, и ветер трепал мои волосы, и было так легко, так свободно, как не было уже очень давно.

А вдалеке, на самом краю поля, стояла фигура мужчины. Я не могла разглядеть лица, но знала, что он улыбается. И что он ждёт меня.

Я проснулась от звука будильника, и первые несколько секунд не могла понять, где я и почему сердце колотится так сильно. Потом взгляд упал на букет — он стоял на столе, такой же свежий, как вчера, только лепестки чуть больше раскрылись, подставляя солнцу свои бархатистые бока.

Четверг, седьмое марта. Последний рабочий день перед праздником.

Я встала с постели, подошла к окну, раздвинула шторы. Небо было ясным, голубым, без единого облачка. Солнце светило ярко, и в его лучах город выглядел почти празднично — как будто кто-то смыл с него серую зимнюю краску, обнажив настоящие цвета.

«Улыбнитесь весне. Вы её украшение».

Я улыбнулась. Сначала просто краешками губ, а потом — широко, по-настоящему, чувствуя, как это простое движение меняет всё внутри, наполняя лёгкостью и каким-то дурацким, но приятным предвкушением.

Сегодня я надену то самое платье — лёгкое, весеннее, с цветочным принтом, которое купила прошлым летом и так ни разу и не надела. Распущу волосы, хотя обычно собираю их в

строгий пучок. И пойду в школу не как учительница Анна Сергеевна, а как женщина, которой кто-то прислал двадцать один тюльпан и назвал украшением весны.

И пусть я не знаю, кто этот человек. Пусть, возможно, я никогда этого не узнаю. Сегодня — неважно.

Сегодня я просто позволю себе поверить в чудо.

А там — будь что будет.

Выйдя из дома в семь тридцать, я не пошла к остановке. Вместо этого я свернула в переулок, где вчера видела цветочный киоск. Сегодня продавщица была уже не одна, а с помощницей — молодой девушкой, которая раскладывала по ведрам свежие букеты.

— Девушка! — окликнула меня та же полная женщина, узнав, видимо, по шарфу. — За тюльпанами?

— Нет, — я улыбнулась. — Я уже получила. Вчера.

— Получила? — женщина хитро прищурилась. — Хорошие?

— Самые лучшие. Жёлтые и оранжевые.

— А-а-а, — она понимающе кивнула. — Так это вам тот мужчина брал? Рано утром, ещё затемно. Долго выбирал, придирался, все цветы перебрал. Я уж думала, никогда не уйдёт.

Моё сердце пропустило удар.

— Какой мужчина? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Да какой... Высокий, тёмненький, в пальто. Лицо такое... строгое, что ли. Но глаза добрые. Спросил, какие тюльпаны самые яркие. Я говорю — жёлтые с оранжевым краем. Он и взял. И ещё зелени добавил, и вазу попросил особенную, не простую. Сказал, что для учительницы.

У меня перехватило дыхание.

— Он не назвал своё имя?

— Нет, — женщина покачала головой. — А что, не подписался? Бывает. Мужчины любят загадки.

— А ещё что-нибудь? — я не могла остановиться. — Что-нибудь, что могло бы его описать?

— Ну, — она задумалась. — Машина у него была, тёмная, большая. На парковке у школы оставил. Я видела, потому что сама в той стороне живу. А больше ничего не знаю, голубушка. Прости.

Я поблагодарила и пошла дальше, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Высокий, тёмненький, в пальто. Машина у школы. Для учительницы.

Это мог быть кто угодно из родителей. Или просто прохожий, который знает, что я работаю в школе. Или...

«Отец Серёжи Смирнова».

Имя всплыло в голове само собой, без всякой логики, просто потому, что он был единственным мужчиной, с которым я общалась за последнее время и который соответствовал описанию. Но зачем ему дарить мне цветы? Мы виделись один раз, на собрании, говорили только об учёбе. Он вёл себя вежливо, но не более того. Ни одного лишнего взгляда, ни одного намёка.

Хотя... Я вспомнила, как он смотрел на меня, когда я объясняла систему оценок по русскому языку. Внимательно, даже слишком внимательно. Но я списала это на родительскую ответственность.

— Глупости, — сказала я вслух, встряхнув головой. — Ты выдумываешь то, чего нет.

Но отрицать, что в груди разгорается маленький огонёк надежды, было невозможно.

В школе меня уже ждали. Новость о букете разнеслась по педагогическому коллективу со скоростью лесного пожара, и едва я переступила порог учительской, как на меня обрушился шквал вопросов, улыбок и многозначительных взглядов.

— Анна Сергеевна, ну признавайтесь, кто? — не унималась Марина.

— Девочки, оставьте человека в покое, — вступилась Ирина Петровна. — Не хочет говорить — не надо. В конце концов, это личное дело.

— Но мы же переживаем! — воскликнула учительница биологии Наталья Викторовна. — Анна Сергеевна, вы наша гордость! Хотя кто-то из учителей у нас замуж собирается!

— Я не собираюсь замуж, — сказала я, чувствуя, как краснею. — Мне просто подарили цветы. Ничего серьёзного.

— Ничего серьёзного? — Наталья Викторовна всплеснула руками. — Двадцать один тюльпан! Это вам не веточка мимозы от ученика второго «А»!

Я только вздохнула и села за свой стол, который сегодня казался каким-то непривычно пустым без букета. Хотя нет, не пустым — на нём лежали две открытки, явно от учеников: одна с нарисованным от руки подснежником, вторая — стандартная, из магазина, с пожеланиями счастья и здоровья.

Я улыбнулась и поставила их на видное место.

День тянулся медленно. Уроки шли своим чередом: шестой класс, восьмой, снова седьмой «Б». Серёжа Смирнов сегодня был тише обычного, сидел, уставившись в учебник, хотя страница была совсем не та, которую мы проходили. Я сделала ему замечание, он кивнул и перелистнул, но в глазах по-прежнему было то же отстранённое выражение.

После урока я хотела его задержать, но он быстро собрал вещи и выскочил из класса, слившись с потоком учеников на перемене.

«Странный мальчик», — подумала я. Но списала это на переходный возраст и сложности адаптации в новой школе.

Последний урок закончился в два часа. Я вернулась в учительскую, собрала вещи, попрощалась с коллегами, пожелавшими мне «хороших выходных и обязательно найти тайного поклонника», и вышла на крыльцо.

Воздух сегодня был совсем другим — тёплым, почти апрельским. С крыш капало, асфальт блестел от влаги, и даже голые берёзы у входа в школу казались красивыми в этой игре света и тени.

Я сделала несколько шагов и остановилась.

У ворот стояла знакомая тёмная машина. Та самая, на которой приезжал на собрание отец Серёжи Смирнова.

Моё сердце забилось быстрее. Я замедлила шаг, пытаюсь разглядеть, есть ли кто внутри. Стёкла были тонированы, и я ничего не видела, но машина работала — из выхлопной трубы шёл лёгкий пар.

Я прошла мимо, стараясь не смотреть в её сторону. Сделала десять шагов, двадцать, тридцать. На углу, не удержавшись, обернулась.

Дверь машины открылась, и из неё вышел мужчина.

Высокий. Тёмные волосы. Длинное тёмное пальто.

Он посмотрел в мою сторону, и даже на расстоянии я почувствовала этот взгляд — внимательный, спокойный, но какой-то... тёплый. Он не сделал попытки меня догнать, не окликнул. Просто стоял у машины, глядя мне вслед, и в этом взгляде было что-то, отчего у меня пересохло во рту.

Я отвернулась и пошла быстрее, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, как кровь приливает к щекам, как внутри разрастается то самое странное, давно забытое волнение, которое я испытала вчера утром, увидев букет.

Это был он.

Я не могла быть уверена на сто процентов, но всё внутри меня кричало, что да. Что это он купил те тюльпаны в киоске, выбрал вазу, написал записку красивым уверенным почерком. Что это он стоял сейчас у школы и смотрел мне вслед.

Но зачем? Почему он не подошёл? Не сказал ничего?

Я шла домой, и мысли путались, накладывались одна на другую, не давая сосредоточиться. В голове вертелась фраза из записки: «Улыбнитесь весне. Вы её украшение».

Я улыбнулась.

И почувствовала, как внутри распускается что-то новое, нежное, хрупкое, похожее на тот самый тюльпан, который только что раскрыл свои лепестки навстречу солнцу.

Я не знала, что будет дальше. Не знала, кто этот мужчина на самом деле и что ему нужно. Не знала, чего хочу я сама.

Но одно я знала точно.

Эта весна обещает быть необычной.

Дома я первым делом подошла к букету. Тюльпаны сегодня раскрылись полностью, превратившись в яркие, почти светящиеся чаши. Я наклонилась, вдыхая их аромат — нежный, сладковатый, с лёгкой горчинкой.

— Спасибо, — прошептала я, хотя не знала, кому говорю. Может быть, ему. Может быть, весне. Может быть, просто этому дню, который подарил мне чувство, о существовании которого я уже начала забывать.

Я села на диван, поджав под себя ноги, и уставилась в окно. За ним темнело, зажигались фонари, где-то вдалеке слышались детские голоса и лай собак. Обычный вечер. Но в груди всё ещё теплилось что-то необычное.

Завтра восьмое марта. Выходной. Я никуда не пойду, не буду ни с кем видеться. Но впервые за долгое время я не чувствовала от этого грусти. Потому что теперь у меня был секрет. Маленькая тайна, спрятанная в оранжевых и жёлтых лепестках, в красивой фразе на белом картоне, в незнакомце, который стоял у школы и смотрел мне вслед.

Я не знала, что будет дальше. Но впервые за три года я хотела узнать.

Я взяла телефон, нашла в контактах Лену и написала:

«Лен, привет. У меня тут кое-что случилось. Расскажу, когда встретимся. Это... это странно и непонятно, но мне кажется, это важно».

Ответ пришёл через минуту:

«Оооо, интрига! Жду не дождусь! Завтра созвонимся?»

«Давай послезавтра. Завтра я хочу побыть одна».

«Секретничаешь? Ладно, договорились. Целую!»

Я отложила телефон и снова посмотрела на тюльпаны. В свете настольной лампы они казались ещё ярче, ещё живее. Казалось, они дышат, растут, живут своей собственной жизнью, наполняя мою маленькую квартиру весной.

Я взяла с полки томик стихов Анны Ахматовой — моего любимого поэта — и открыла наугад.

«А я думала, ты — бог,

Ты — властелин, но ошиблась,

Ты — только гость, заплутавший,

В моей невесёлой судьбе».

Я улыбнулась. Нет, сегодня не об этом. Сегодня о другом. О том, что даже в самой унылой, серой жизни может случиться чудо. И оно придёт не с громом и молнией, не с пафосными признаниями и клятвами в вечной любви. Оно придёт тихо, незаметно, в виде двадцати одного тюльпана на учительском столе и простой фразы: «Улыбнитесь весне».

Я погасила свет, но ещё долго лежала с открытыми глазами, глядя, как лунный свет пробивается сквозь шторы и ложится серебряными дорожками на пол, на стены, на букет.

Завтра наступит праздник. А послезавтра — выходной. А в понедельник я снова пойду в школу, и, возможно, снова увижу тёмную машину у ворот. И, возможно, в этот раз я не уйду.

Я закрыла глаза и провалилась в сон, где было море тюльпанов, и высокий мужчина в тёмном пальто, и я, идущая к нему босиком по влажной земле, и улыбка, от которой теплело внутри.

Весна началась.

Глава 1

Седьмой «Б» был моим классом ровно два года. Я взяла их, когда они только перешли в пятый класс, тоненькие, с огромными портфелями и ещё детскими, по-первоклассному восторженными глазами. За два года многое изменилось: они вытянулись, голоса у мальчишек начали ломаться, превращаясь в нелепые басы с петушиными нотками, девочки научились краситься и смотреть на мир с тем особым выражением, которое в тринадцать лет кажется глубиной мысли, а на самом деле является просто отражением первой влюблённости.

Я любила свой класс. Любила, несмотря на их дурацкие шутки, списанные домашние задания и вечные попытки пронести телефон на урок. Любила, даже когда они выводили меня из себя. Но сегодня, в это утро восьмого марта, накануне праздника, когда в воздухе витало всеобщее ожидание чуда, я была готова их... ну, скажем так, немного недолюбливать.

— Илья, убери телефон, — сказала я, не повышая голоса, но с той интонацией, которая обычно действовала безотказно.

Илья Кошкин, рыжий верзила, который уже перерос меня на полголовы, виновато улыбнулся и сунул смартфон в карман джинсов. Я сделала пометку в журнале — не для оценки, для себя, чтобы не забыть поговорить с ним после уроков о правилах поведения. Третье предупреждение за неделю.

— Продолжаем, — сказала я, возвращаясь к доске. — Итак, «Станционный смотритель». Какие чувства вызывает у вас финал повести?

Руки подняли несколько человек. Я кивнула Алисе Трофимовой, отличнице с идеальными бантами и таким же идеальным знанием программного материала.

— Мне жаль Самсона Вырина, — начала Алиса своим звонким, отрепетированным голосом. — Он потерял самое дорогое, что у него было, и не смог с этим смириться. Пушкин показывает, как любовь к детям может разрушить человека, если эта любовь становится смыслом всей жизни.

— Хорошо, — сказала я. — Но есть нюанс. Любовь ли разрушила Вырина? Или...

— Или его собственная слабость? — подал голос с задней парты Саша Мельников, который до этого рисовал в тетради что-то, похожее на танк.

Я улыбнулась. Саша был моей гордостью — умный, начитанный, но ленивый до невозможности. Когда он хотел, он выдавал такие мысли, что я забывала о всех его незаконченных контурных картах и невыученных стихах.

— Развивай, — сказала я.

— Ну, — Саша отложил ручку, устраиваясь поудобнее, — Вырин мог поехать в Петербург, попытаться вернуть Дуню, но он побоялся. Он решил, что ротмистр Минский — дворянин, богатый, красивый, а он — мелкий чиновник, нищий. Он даже не попробовал. Просто сдался.

— То есть ты считаешь, что Вырин сам виноват в своём несчастье?

— Не сам, — вмешалась Алиса, которая не любила, когда её блестящие ответы оспаривали. — Общество виновато. Разница в социальном положении не дала ему шанса. Он понимал, что против него закон и все вокруг.

— А закон был на его стороне? — спросила я, переводя взгляд с одного на другую. — Дуня была несовершеннолетней, Минский увёз её обманом. Формально Вырин имел полное право обратиться к властям.

В классе повисла тишина. Я любила такие моменты — когда вопросы, на которые нет простых ответов, заставляли даже самых равнодушных учеников задуматься. Сейчас думали все: кто-то смотрел в окно, кто-то — в учебник, кто-то — на меня.

И вдруг эта тишина была нарушена.

С задней парты, где сидел Серёжа Смирнов, раздался отчётливый, ничем не приглушённый звук. Я узнала его сразу — в моей педагогической практике это был не первый случай. Звук сирены, точнее, её имитация, которую проигрывал чей-то телефон. В моём классе. На моём уроке. В тот самый момент, когда я, наивная, полагала, что мы наконец-то добрались до сути.

Класс замер.

Я медленно повернулась к источнику звука. Серёжа сидел, склонившись над партой, и что-то делал с телефоном, спрятанным под крышкой. Мальчик был новеньким, перевёлся к нам в середине февраля, и за эти три недели я успела заметить, что он держится особняком, не лезет в драки, не участвует в коллективных шалостях, но и не проявляет особого интереса к учёбе. Обычный середняк с отстранённым взглядом и вечно спутанными тёмными волосами.

— Серёжа, — сказала я своим обычным голосом, но в нём, наверное, было что-то такое, от чего весь класс синхронно повернулся к новенькому. — Телефон.

Он поднял голову. Тёмные глаза, спокойные, почти равнодушные. В них не было ни испуга, ни вызова — просто... ничего. Как будто он был не здесь, не на уроке, а где-то далеко-далеко, и мои слова долетали до него с большим опозданием.

— Извините, — сказал он ровно, убирая телефон в рюкзак.

— Телефон нужно сдавать на время урока, ты знаешь правила.

Он кивнул, но не сделал попытки выключить звук или положить телефон в сумку для гаджетов, которая висела у меня на стене. Просто застегнул рюкзак и снова уставился в учебник.

Я сделала паузу, давая себе секунду, чтобы успокоиться. Кричать, стыдить при всех, делать замечания с угрозой вызвать родителей — в этом не было смысла. Я работала с подростками достаточно долго, чтобы понять: публичная порка даёт обратный эффект. Особенно с теми, кто и так чувствует себя чужим.

— Продолжим, — сказала я, возвращаясь к доске. — Итак, вопрос о свободе воли и социальных обстоятельствах...

Урок шёл своим чередом. Мы обсудили, почему Вырин не воспользовался законным правом, почему Дуня не вернулась к отцу, что такое «блудный сын» в контексте русской литературы и почему Пушкин выбрал именно эту библейскую аллюзию. Класс работал, даже Серёжа, кажется, слушал — по крайней мере, он поднял глаза от учебника и смотрел то на меня, то на доску, на которой я записывала тезисы.

Когда прозвенел звонок, я, как обычно, попросила всех остаться на местах, чтобы записать домашнее задание.

— Дома прочитайте «Барышню-крестьянку» из цикла «Повести Белкина». Вопрос для размышления: чем эта повесть отличается от «Станционного смотрителя» и что их объединяет?

Класс зашумел, загремел партами. Я смотрела, как они собираются — кто-то торопливо кидал учебники в рюкзак, кто-то договаривался о встрече на перемене, девочки переглядывались и хихикали. Обычная суета.

— Серёжа, — сказала я, когда мальчик поднялся с места. — Останься, пожалуйста, на минуту.

Он замер, потом медленно сел обратно. Я заметила, как его пальцы сжались в кулаки, но лицо осталось бесстрастным. В классе повисло любопытное молчание — все ждали, что будет.

— Все свободны, — сказала я громко, давая понять, что это не шоу для одноклассников.

Ребята потянулись к выходу, косясь на Серёжу. Кто-то — кажется, Ваня Соколов — шепнул ему на ухо что-то, отчего тот дёрнул плечом, как от удара. Я сделала вид, что не заметила.

Когда дверь за последним учеником закрылась, я подошла к своему столу, села на край, скрестив руки на груди. Серёжа сидел за партой, положив руки перед собой, и смотрел куда-

то в сторону окна. В кабинете стало тихо — так тихо, что я слышала, как за окном чирикают воробьи, радуясь первому по-настоящему весеннему дню.

— Серёжа, — начала я мягко. — Ты хочешь что-нибудь мне сказать?

Он промолчал. Только повернул голову, и наши взгляды встретились. В его тёмных глазах по-прежнему не было ничего — ни страха, ни раскаяния, ни даже той подростковой бравады, которая обычно скрывает неуверенность. Просто пустота.

— Телефон на уроке, — напредила я. — Это нарушение правил. Третье за две недели.

— Я понял, — сказал он тихо. Голос был низкий для тринадцати лет, с хрипотцой, как будто он простужен или не выспался.

— Ты понял, но продолжаешь делать. Почему?

Плечи его чуть приподнялись в полупожатии.

— Не знаю.

— Серёжа, — я вздохнула. — Я не собираюсь тебя ругать. Я просто хочу понять. Ты не глупый, я это вижу. На прошлом уроке, когда мы говорили о Татьяне Лариной, ты сказал очень интересную вещь про то, что она не столько любила Онегина, сколько придумала себе образ. Это был хороший, взрослый анализ.

Он моргнул. Впервые за всё время я увидела в его глазах что-то живое — удивление, смешанное с недоверием. Кажется, он не ожидал, что я вообще заметила его ответ, не говоря уже о том, чтобы запомнить.

— Вы запомнили? — спросил он, и в голосе проскользнула нотка, которую я не могла определить.

— Я запоминаю всё, что говорят мои ученики, — сказала я. — Особенно когда они говорят умные вещи.

Он опустил глаза, и я заметила, как его пальцы перестали сжиматься. Теперь они просто лежали на парте, расслабленные, почти безвольные.

— Так почему телефон? — повторила я. — Скучно на уроке? Неинтересно?

— Нет, — ответил он быстро. — То есть... не то чтобы скучно. Просто...

Он замолчал, подбирая слова. Я ждала, стараясь не давить. С такими, как Серёжа, нельзя было торопить — я это поняла в первый же день, когда он появился в классе. Новенький, переведённый из другой школы, без друзей, без компании, с видом человека, который привык, что от него ничего хорошего не ждут.

— Просто здесь всё по-другому, — сказал он наконец. — В старой школе мы могли... там было проще.

— Проще в каком смысле?

— Ну, — он помялся, — учителя не так... придирались.

Я подавила вздох. «Придирались» — это было то слово, которое я слышала от учеников чаще всего, когда они не хотели признавать, что нарушают правила. Но в голосе Серёжи не было привычной обиды, скорее, какая-то усталость.

— Серёжа, я не придираюсь, — сказала я спокойно. — Я прошу соблюдать правила, которые одинаковы для всех. Телефон на уроке мешает не только тебе, но и твоим одноклассникам. Ты видел, как они обернулись, когда зазвучала сирена?

Он кивнул, и в этот раз в его движении не было равнодушия. Он, кажется, действительно это заметил.

— Извините, — сказал он, и это прозвучало искренне. — Больше не будет.

Я смотрела на него и видела не просто ученика, нарушившего дисциплину. Я видела мальчика, который держался настороже, как зверёк, попавший в незнакомый лес. Всё его тело говорило о защите: плечи чуть приподняты, голова слегка наклонена, руки лежат перед собой, но пальцы готовы сжаться в кулаки в любую секунду.

— Серёжа, — сказала я, смягчая голос. — Как тебе у нас? В новой школе?

Он пожал плечами.

— Нормально.

— С одноклассниками ладишь?

— Нормально.

— А с предметами? Не отстаёшь?

Он посмотрел на меня с лёгким недоумением, как будто не понимал, почему учительница литературы вдруг интересуется его успеваемостью в целом.

— По математике у меня четвёрка, — сказал он осторожно. — По русскому... — он запнулся. — Пока не очень.

— Потому что программа отличается?

— Наверное. И ещё... — он замолчал, покосившись на меня, словно решая, стоит ли говорить дальше.

— Что?

— Я много пропустил в прошлой четверти, — выдохнул он. — Когда переезжали. Некогда было.

— Переезд — это всегда стресс, — сказала я. — Но мы можем подтянуть русский, если хочешь. Я могу дать тебе дополнительные материалы, объяснить то, что ты пропустил.

Он поднял на меня глаза, и в них наконец-то появилось что-то настоящее. Удивление. Искреннее, детское удивление от того, что учительница, которую он только что разозлил своим телефоном, вдруг предлагает помощь.

— Зачем? — спросил он, и в этом вопросе не было грубости — только непонимание.

— Затем, что это моя работа, — улыбнулась я. — И затем, что я хочу, чтобы ты чувствовал себя уверенно в моём классе. Без телефона, — добавила я с лёгкой усмешкой.

Он чуть заметно улыбнулся в ответ. Первая улыбка, которую я увидела на его лице за три недели. Она была робкой, быстрой, почти незаметной, но она была.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

— Тогда договорились, — я встала, давая понять, что разговор окончен. — После праздников подойдёшь ко мне, я дам тебе материалы. И Серёжа...

Он уже взял рюкзак и направился к двери, но обернулся.

— В следующий раз, когда захочешь достать телефон на уроке, вспомни, что ты обещал.

— Я помню, — сказал он серьёзно и вышел.

Я осталась одна в классе, чувствуя странную смесь усталости и удовлетворения. Разговор с Серёжей получился не таким, как я ожидала. Я готовилась к привычному: подростковая защита, отрицание вины, возможно, даже хамство. Вместо этого я увидела мальчика, который, кажется, просто потерялся в новой жизни.

Я подошла к окну. На школьном дворе было пусто — все разошлись по перемене. Только вдалеке, у ворот, я заметила знакомый тёмный автомобиль. Моё сердце сделало какое-то странное движение — то ли замерло, то ли пропустило удар. Я вгляделась, но из-за тонированных стёкол не было видно, есть ли кто внутри.

«Хватит, — сказала я себе строго. — Ты учительница, а не героиня мыльной оперы. Мало ли каких машин стоит у школы».

Я отошла от окна и начала собирать разбросанные по классу бумажки — кто-то из учеников обронил обёртку от шоколадки, кто-то забыл смятую тетрадь. Эти маленькие ритуалы успокаивали меня, возвращали в привычное русло, где всё понятно, предсказуемо и не требует от меня гаданий на кофейной гуще.

Но мысли всё равно возвращались к вчерашнему вечеру. К тюльпанам. К записке. К мужчине в тёмном пальто, который стоял у машины и смотрел мне вслед.

Я была учителем. Серьёзным, ответственным, давно уже смирившимся с тем, что моя личная жизнь — это книги и редкие походы в театр с Леной. Я не ждала чудес, не верила в

любовь с первого взгляда, не строила иллюзий по поводу мужчин, которые дарят цветы без подписи. В моём возрасте — а двадцать восемь лет в учительской среде считались почти критическими для незамужней женщины — полагалось быть прагматичной.

Я и была прагматичной. До вчерашнего утра.

А теперь я ловила себя на том, что каждые пять минут смотрю на телефон, проверяя, не пропустила ли звонок или сообщение. Что прокручиваю в голове возможные варианты: кто, зачем, почему не подошёл. Что, проходя мимо зеркала, задерживаю взгляд на своём отражении дольше, чем обычно.

«Ты ведёшь себя как дура, — сказала я себе, складывая бумажки в мусорное ведро. — Тебе подарили цветы. Ну и что? Это ещё ничего не значит».

Но где-то глубоко внутри, там, где пряталась та семнадцатилетняя девочка, которая когда-то верила в большую любовь и ждала принца, теплился маленький, почти неуловимый огонёк надежды.

Я вздохнула, взяла журнал и вышла из класса. До следующего урока оставалось пятнадцать минут, и мне нужно было вернуться в учительскую, чтобы подготовиться к восьмому классу.

Коридоры гудели. Перемена была в самом разгаре: старшеклассницы с идеальными макияжем и слишком короткими юбками обсуждали что-то, хихикая; десятиклассники носились с криками, едва не сбивая с ног малышей из началки; у стены стояла группа учителей, о чём-то оживлённо споривших. Я прошла мимо, вежливо кивая знакомым, но ни с кем не задерживаясь.

В учительской было почти пусто — только Марья Ивановна, древняя учительница химии, проверяла контрольные, да завуч Елена Павловна что-то искала в шкафу.

— Анна Сергеевна, — окликнула меня Елена Павловна, едва я переступила порог. — Вы как раз вовремя. У меня к вам разговор.

Я внутренне напряглась. Разговоры с завучем редко бывали приятными. Елена Павловна была женщиной лет пятидесяти, энергичной, дотошной и знавшей о школе всё — от того, кто из учителей на какой машине ездит, до того, у кого из учеников родители разводятся.

— Слушаю вас, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— По Смирнову, — она взяла папку и села за стол. — Сергей Алексеевич Смирнов, седьмой «Б». У вас он ведёт себя?

— В целом нормально, — ответила я осторожно. — Сегодня был инцидент с телефоном на уроке, я поговорила с ним.

— Телефон, — Елена Павловна поморщилась. — Это полбеда. А что в остальном? Успеваемость?

— По литературе пока не очень, но он пропустил много материала в прошлой четверти из-за переезда. Я предложила ему дополнительные занятия.

— Дополнительные, — завуч задумчиво постучала ручкой по столу. — Вы знаете, что мальчик из неполной семьи?

Я кивнула. В личном деле Серёжи было указано, что мать не проживает с семьёй, но подробностей я не знала.

— Отец воспитывает один, — продолжала Елена Павловна. — По словам классного руководителя, мальчик замкнутый, друзей не завёл, на контакт идёт плохо. Вы с ним как-то... особо не сближайтесь, ладно? Держите дистанцию.

Я удивлённо подняла бровь.

— В каком смысле?

— В прямом, — завуч посмотрела на меня поверх очков. — Родитель у нас новый, мы его плохо знаем. Мало ли что. А вы молодая женщина, одинокая... Сами понимаете, как это может выглядеть.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Елена Павловна, я учительница. И веду себя как учительница. Никаких «сближений» сверх педагогической необходимости.

— Вот и хорошо, вот и прекрасно, — завуч улыбнулась той сладкой улыбкой, которая означала, что разговор окончен. — Я просто предупредила. Идите, готовьтесь.

Я вышла из учительской, чувствуя неприятный осадок. Конечно, я понимала, откуда ноги растут: в нашей школе несколько лет назад был скандал, когда учительница математики слишком тесно общалась с отцом ученика. История закончилась громко и некрасиво, и с тех пор Елена Павловна была начеку.

Но меня это задело. Задело тем, что в этих словах было что-то унижительное — как будто я только и жду, чтобы кто-то из родителей обратил на меня внимание. Как будто я не способна отличить профессиональное общение от личного.

Я подошла к окну в конце коридора и прислонилась лбом к прохладному стеклу. На улице было солнечно, и даже сквозь грязные школьные окна свет казался ярким, почти летним. Внизу, на школьном дворе, играли малыши — первоклассники, которые ещё не знали, что такое усталость от школы, от учителей, от бесконечных «нельзя» и «должен».

Вспомнился Серёжа. Его отстранённый взгляд, его «здесь всё по-другому», его робкая улыбка, когда я предложила помочь. Я видела таких детей раньше — они приходят в новую школу, и мир для них становится враждебным, полным неписаных законов, которые нужно разгадать, чтобы выжить. Им нужна поддержка, даже если они её не просят. Даже если они делают вид, что она им не нужна.

Я вздохнула и пошла готовиться к следующему уроку.

Восьмой класс прошёл ровно. Мы читали «Мёртвые души», и я в сотый раз объясняла, почему Чичиков — это не просто мошенник, а «рыцарь копейки», порождённый новой эпохой. Ученики слушали вполуха, поглядывая на часы — до звонка оставалось пять минут. Я не обижалась. В пятницу, перед праздником, даже я сама с трудом удерживала внимание на Гоголе.

После урока я вернулась в учительскую и застала там Лену — мою подругу, учительницу истории из соседней школы. Она сидела за моим столом и с интересом рассматривала что-то в телефоне.

— Привет, — сказала я, закрывая за собой дверь. — Ты чего?

— Привет, — Лена подняла голову, и я увидела на её лице выражение, которое означало только одно: она что-то узнала. — Садись. Есть разговор.

Я села, чувствуя, как внутри закипает тревога.

— Ты вчера написала про что-то важное, — Лена отложила телефон и уставилась на меня. — Рассказывай.

— Подожди, — я оглянулась на дверь. В учительской, кроме нас, никого не было. — Может, не здесь?

— Давай здесь, я на пять минут. У меня перемена.

Я помолчала, собираясь с мыслями. Рассказывать Лене о букете было и страшно, и приятно. Страшно — потому что тогда это становилось реальностью, а не просто моей маленькой тайной. Приятно — потому что Лена была единственным человеком, с которым я могла быть откровенной.

— Вчера утром, когда я пришла в школу, на моём столе стоял букет, — начала я.

Лена вытаращила глаза.

— Какой букет?

— Огромный. Двадцать один тюльпан, жёлтые и оранжевые. С запиской: «Улыбнитесь весне. Вы её украшение».

— Что? — Лена подалась вперёд, её глаза горели. — От кого?

— Без подписи.

— Тайный поклонник? — её голос поднялся на полоктавы.

— Тише, — я шикнула на неё. — Да, похоже на то.

— И ты не знаешь, кто?

Я замялась. Рассказывать про свои подозрения — значит, выглядеть глупо. Но Лена была не тем человеком, от которого можно что-то скрыть.

— Есть один... вариант, — сказала я осторожно. — Но я не уверена.

— Какой?

Я рассказала про киоск, про описание продавщицы, про машину у школы и мужчину, который смотрел мне вслед. Лена слушала, не перебивая, и чем дальше, тем шире становились её глаза.

— Это же отец этого твоего новенького? — спросила она, когда я закончила. — Смирнова?

— Откуда ты знаешь?

— Анечка, — Лена вздохнула с видом человека, который сейчас скажет что-то важное.

— Ты же знаешь, я работаю в соседней школе. У нас весь район на виду.

— И что?

— И то, что я кое-что знаю про Смирновых. Или думаю, что знаю.

У меня перехватило дыхание.

— Что именно?

Лена оглянулась на дверь, хотя в учительской по-прежнему никого не было, и понизила голос:

— Говорят, он разведён. Причём уже давно, года два или три. Жена уехала куда-то в Европу, с новым мужем. А он остался с пацаном. Только не афиширует.

Я смотрела на неё, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

— Разведён? — переспросила я. — То есть... он не женат?

— По слухам — нет. Но я точно не знаю, сама понимаешь, слухи слухами. Может, и женат, а может, и нет.

Я молчала, пытаюсь переварить информацию. Если он разведён, то... то мои вчерашние сомнения были напрасны. Отказ, который я готовилась ему дать, если он подойдёт, основанный на предположении, что он женат, — этот отказ был ошибкой.

Но ведь он даже не подошёл. Не окликнул. Просто стоял и смотрел.

— Анечка, — Лена взяла меня за руку. — Ты чего?

— Ничего, — я попыталась улыбнуться. — Просто... думаю.

— Не думай слишком много, — посоветовала Лена. — Это вредно. Если тебе нравится этот мужчина, а он, судя по цветам, проявляет интерес, то... почему бы и нет?

— Потому что я его учительница, — сказала я. — А он родитель моего ученика.

— Ну и что? Это не запрещено. Вы оба взрослые люди.

Я покачала головой. В голове смешались голоса: завуча, предостерегавшей от «недопустимой близости с родителями», Лены, подталкивавшей к романтике, и мой собственный, тихий, но настойчивый голос, который говорил: «Ты уже три года одна. Ты устала. Ты хочешь, чтобы тебя заметили».

— Лен, мне пора, — сказала я, вставая. — У меня ещё урок.

— Ты меня не дослушала! — возмутилась подруга.

— В понедельник, — пообещала я. — В понедельник всё расскажу. А сейчас правда пора.

Я вышла из учительской, чувствуя, как кружится голова. Разведён. Не женат. И цветы. И записка. И взгляд вчера вечером.

«Вы её украшение».

Я остановилась посреди коридора, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Спокойно. Я — учительница Анна Сергеевна, мне двадцать восемь лет, моя жизнь — это уроки, тетради, роди-

тельские собрания. Я не должна терять голову из-за красивого букета и неопределённых слухов.

Но внутри всё пело. Противная, глупая, нелогичная радость распирала грудную клетку, и я ничего не могла с этим сделать.

— Анна Сергеевна! — раздался голос за спиной. Я обернулась и увидела Серёжу Смирнова. Он стоял в дверях кабинета биологии и смотрел на меня странно — будто хотел что-то сказать, но не решался.

— Серёжа? Что-то случилось?

— Нет, — он помялся. — Просто... вы обещали после праздников дать материалы. Я хотел спросить, может, я сейчас возьму? На выходные почитаю.

Я улыбнулась. Вот он, маленький шаг навстречу. Мальчик, который сегодня утром нарушал дисциплину и делал вид, что ему всё равно, теперь сам просит дополнительные задания.

— Хорошо, — сказала я. — Подожди меня в кабинете, я сейчас принесу.

Я пошла в учительскую, достала из своего шкафа папку с распечатками — текстами, упражнениями, вопросами для самопроверки. Всё, что могло помочь ему наверстать пропущенное. Вернулась в кабинет, отдала папку.

— Здесь всё, что мы проходили за последние два месяца. Если будут вопросы — спрашивай.

— Спасибо, — он взял папку, и в его глазах снова мелькнуло то живое выражение, которое я заметила утром. — Я... я правда больше не буду доставать телефон на уроке.

— Я верю, — сказала я.

Он кивнул и вышел, а я осталась в пустом кабинете, глядя в окно. Тёмная машина всё ещё стояла у ворот. Или это была другая? Я уже не могла различить.

Я подошла к окну, прижалась лбом к стеклу. Где-то там, за этим окном, начиналась весна. И вместе с ней — что-то новое, чего я боялась и ждала одновременно.

— Что ж, — прошептала я. — Посмотрим.

Звонок на последний урок прозвенел, когда я всё ещё стояла у окна. Я вздрогнула, посмотрела на часы и поспешила в класс. Рабочий день ещё не закончился, и у меня были обязанности, которые никто не отменял.

Но где-то глубоко внутри уже зарождалось предвкушение. Не просто выходных, не просто весны. А чего-то большего. Чего-то, что изменит всё.

Я не знала, как это назвать. И боялась признаться даже самой себе.

Но я знала одно: восьмое марта только начинается. И этот день ещё преподнесёт сюрпризы.

Глава 2

После разговора с Серёжей я ещё несколько минут стояла у окна в пустом кабинете, глядя, как первоклассники носятся по школьному двору, натыкаясь друг на друга и заливисто смеясь. Их беззаботность всегда вызывала у меня смешанные чувства: с одной стороны, умиление, с другой — лёгкую зависть. В их возрасте мир ещё не научил их защищаться, строить барьеры, взвешивать каждое слово и поступок. Они просто жили, просто радовались, просто верили, что всё будет хорошо.

Я вздохнула, взяла журнал и направилась к двери. До конца рабочего дня оставалось ещё два урока, но у меня было «окно» — драгоценные сорок пять минут, которые я обычно посвящала проверке тетрадей или подготовке к следующему занятию. Сегодня, в предпраздничный день, я собиралась потратить их на то, чтобы просто выпить чаю и прийти в себя после утренних событий.

Я вышла в коридор и направилась к лестнице. В школе было тихо — ученики разошлись по классам, и даже шум перемены стих, сменившись привычным гулом уроков, доносящимся из-за закрытых дверей. Я любила эти моменты, когда школа замирала между активными фазами, напоминая огромный корабль, который на мгновение лёг в дрейф, чтобы через минуту снова набрать скорость.

На втором этаже я остановилась у окна, выходящего на парковку. Это была моя маленькая слабость — в минуты усталости я подходила к этому окну и смотрела на улицу, на деревья, на машины, на редких прохожих. Это помогало собраться с мыслями, почувствовать себя частью большого мира, а не запертой в школьных стенах.

Именно в этот момент я его увидела.

На парковке, прямо напротив входа в школу, стоял тёмный внедорожник. Я узнала его сразу — та же самая машина, которую я видела вчера вечером, когда выходила из школы. И сегодня утром, когда разговаривала с Серёжей. А может быть, и раньше, просто я не обращала внимания.

Машина была припаркована чуть в стороне от других, как будто её владелец не хотел привлекать к себе лишнего внимания. Чёрный, чисто вымытый, с затемнёнными стёклами — он выглядел солидно и даже немного загадочно на фоне старых «Логанов» и «Солярисов», которые обычно заполняли учительскую парковку.

Я смотрела на эту машину, и внутри снова разгоралось то странное, давно забытое чувство, которое поселилось во мне ещё вчера утром, когда я увидела тюльпаны. Сердце билось где-то в горле, ладони стали влажными, и я вдруг осознала, что стою, вцепившись в подоконник, как утопающий в спасательный круг.

«Возьми себя в руки, — приказала я себе мысленно. — Мало ли чья это машина. Может быть, это вообще не он. Может быть, это родитель кого-то из старшекласников. Может быть...»

Дверь внедорожника открылась.

Я перестала дышать.

Из машины вышел мужчина. Высокий — я могла судить об этом даже с высоты второго этажа. Тёмное пальто, расстёгнутое, несмотря на мартовскую прохладу, под ним — строгий тёмно-синий костюм, белая рубашка. Он поправил ремень сумки, которая висела на плече — дорогой кожаный портфель, не тот дешёвый «дипломат», с которым ходят обычные родители на собрания.

Он поднял голову, и мне показалось — хотя это было невозможно с такого расстояния и с учётом тонировки окон — что он смотрит прямо на меня. Я отшатнулась от окна, чувствуя, как сердце делает кульбит, и прижалась спиной к стене.

— Глупо, — прошептала я вслух. — Ты ведёшь себя как школьница.

Я глубоко вздохнула, одёрнула платье, поправила волосы и заставила себя отойти от окна. Мне нужно было в учительскую. Там, за проверкой тетрадей, за чашкой чая, за разговорами с коллегами, я смогу забыть об этом мужчине, о машине, о букете, о всех этих глупых, непрошенных чувствах.

Я прошла по коридору, свернула в боковую галерею, которая вела к лестнице на первый этаж. Учительская находилась на втором, но я почему-то решила спуститься вниз и подняться по другой лестнице — просто чтобы пройти лишние несколько метров, успокоиться, взять себя в руки.

Я уже почти дошла до лестничной площадки, когда услышала шаги. Тяжёлые, уверенные, мужские. Шаги, которые не были похожи на торопливую походку завуча или семенящую дробь Семёна Игнатьевича.

Я подняла голову.

Он поднимался по лестнице навстречу мне.

Вблизи он оказался ещё более... заметным, что ли. Высокий, под два метра, с широкими плечами, которые делали школьный коридор вдруг тесным и неудобным. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем обычно носят мужчины его возраста — лет тридцати пяти, наверное, — аккуратно уложены, но одна прядь выбилась и падала на лоб, придавая ему немного небрежный, но от этого ещё более привлекательный вид. Лицо с чёткими, правильными чертами, с лёгкой небритостью, которая смотрелась не неряшливо, а скорее... по-мужски. Глаза — тёмные, глубокие, с каким-то особенным выражением, которое я не могла определить сразу.

Он остановился на полпути, увидев меня. Наши взгляды встретились.

Я замерла. Мир вокруг перестал существовать. Не стало ни школьных стен, ни запаха мела и дешёвого освежителя, ни отдалённых голосов учителей. Остались только эти глаза — тёмные, спокойные, внимательные. И в них — что-то, отчего у меня перехватило дыхание. Какая-то лёгкая, почти неуловимая грусть, которая делала его уверенный, сильный образ не таким неприступным.

Он смотрел на меня, и я смотрела на него. Секунда. Другая. Третья.

— Здравствуйте, — сказал он первым, и его голос — низкий, с лёгкой хрипотцой, как будто он только что проснулся или, наоборот, не спал всю ночь — заставил меня вздрогнуть.

— Здравствуйте, — ответила я, удивляясь, как ровно звучит мой голос, в то время как внутри всё дрожит.

Он сделал ещё шаг вверх, и теперь мы оказались почти на одном уровне. Я стояла на площадке, он — на две ступени ниже, и это делало его взгляд немного снизу вверх, что придавало ему... нет, не уязвимость, это слово совсем не подходило к этому мужчине. Скорее, открытость. Как будто он специально поставил себя в положение, где я выше, где я главная.

— Вы Анна Сергеевна? — спросил он, и в его голосе не было вопроса — скорее, утверждение.

— Да, — я кивнула, чувствуя, как щёки начинают гореть. — А вы...

— Алексей, — он протянул руку. — Алексей Смирнов. Я отец Серёжи.

Его рука была большой, тёплой, с длинными пальцами и аккуратными ногтями. Рука человека, который привык работать руками, но при этом не забывает о том, что они — часть имиджа. Рукопожатие было уверенным, но не грубым — ровно настолько сильным, чтобы показать свою уверенность, и настолько мягким, чтобы не причинить боли.

— Очень приятно, — сказала я, высвобождая пальцы и надеясь, что он не заметил, как они дрожат. — Серёжа мне рассказывал, что вы недавно переехали.

— Да, — он кивнул, и прядь волос снова упала на лоб. — Мы переехали в конце января, но Серёжа пошёл в школу только в феврале. Нужно было уладить все формальности.

— Понимаю, — сказала я. — Переезд — это всегда сложно. Особенно для ребёнка.

— Для ребёнка, — повторил он, и в его голосе мне послышалось что-то... горькое? Или я просто искала то, чего нет?

Он помолчал секунду, а потом сказал:

— Я хотел поговорить с вами. Если у вас есть время.

— Конечно, — я оглянулась на коридор. — Можем пройти в учительскую. Или в мой кабинет, если хотите.

— Лучше в кабинет, если можно, — сказал он. — Разговор будет... не совсем официальный.

У меня ёкнуло сердце. Не совсем официальный. Что это значит? О чём он хочет говорить? О букете? О вчерашнем вечере, когда он стоял у школы и смотрел мне вслед?

Я молча кивнула и пошла вперёд, показывая дорогу. Он шёл за мной, и я чувствовала его присутствие каждой клеточкой тела — его шаги, его дыхание, его взгляд, который, как мне казалось, буравил мою спину. Я старалась идти ровно, держать спину прямой, не выдать своего волнения.

Мой кабинет находился в конце коридора, рядом с кабинетом завуча. Я открыла дверь ключом — после уроков я всегда запирала его, чтобы никто из учеников не зашёл — и пропустила Алексея вперёд.

Он вошёл, огляделся. Кабинет литературы был моей гордостью и моей болью. Я старалась сделать его уютным — на стенах висели портреты писателей, на подоконниках стояли цветы (правда, сейчас там были только зелёные растения, потому что я так и не решилась поставить на окно тюльпаны, боясь, что они завянут на сквозняке), у стены — небольшой стеллаж с книгами, которые я принесла из дома, чтобы ученики могли брать их почитать. Парты стояли ровными рядами, на доске остались записи с сегодняшнего урока о «Станционном смотрителе».

Алексей подошёл к окну, посмотрел на улицу, потом перевёл взгляд на доску.

— «Станционный смотритель», — прочитал он вслух. — Хорошая повесть. Грустная.

— Вы знаете? — удивилась я.

— Когда-то учил, — он повернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку. — Правда, это было давно. В прошлом веке.

— Вы не так стары, как звучите, — сказала я и тут же прикусила язык. Что за глупость я сморозила? Какое право я имею делать ему подобные комплименты?

Но он, кажется, не обиделся. Наоборот, уголки его губ чуть приподнялись, и эта полуулыбка изменила его лицо, сделав его моложе, теплее.

— Спасибо, — сказал он. — Я себя иногда чувствую на все сто.

Он прошёл к учительскому столу, но не сел, а остановился напротив, положив руки на спинку стула. Я встала по другую сторону стола, чувствуя себя неудобно — слишком официально, слишком отстранённо. Но и подойти ближе я не решалась.

— Я хотел извиниться, — сказал Алексей, и его лицо стало серьёзным. — За Серёжу. Мне сказали, что сегодня на уроке у него был телефон.

— Это не страшно, — ответила я быстро. — Я уже поговорила с ним. Думаю, мы нашли общий язык.

— Я знаю, — он кивнул. — Он мне рассказал. Сказал, что вы предложили ему дополнительные занятия, чтобы наверстать пропущенное.

— Да, — я немного расслабилась. Разговор шёл в привычном русле — учитель и родитель обсуждают ребёнка. Это я умела. — Он пропустил много материала из-за переезда, и у него есть пробелы. Но мальчик он способный, я заметила.

— Способный, — Алексей повторил моё слово, и в его голосе снова появилась та странная нотка, которую я не могла определить. — Да, он умный. Слишком умный для своих лет. Это... иногда мешает.

— В каком смысле?

Он помолчал, глядя куда-то в сторону, на портрет Пушкина, висевший над доской. Его профиль в этом освещении — свет из окна падал сбоку — казался высеченным из камня. Чёткие линии, сильная челюсть, чуть заметная складка между бровями, которая говорила о привычке много думать.

— Он многое понимает, — сказал Алексей наконец. — Иногда больше, чем нужно в его возрасте. И ему трудно найти общий язык со сверстниками. Они кажутся ему... неглубокими, что ли. А он им — странным.

Я кивнула. Я видела таких детей. Они действительно часто оказываются в изоляции, потому что их интересы, их уровень мышления не совпадают с тем, что принято в подростковой среде. Они не глупые, не закомплексованные — просто другие.

— Это пройдёт, — сказала я мягко. — Когда он найдёт своих людей. Свою компанию, где его поймут.

— Найдёт ли? — Алексей посмотрел на меня, и в его тёмных глазах я увидела ту самую грусть, которую заметила, когда мы только встретились на лестнице. Не жалость к себе, нет. Скорее, усталость. И тревогу. — В прошлой школе он так и не нашёл. Мы переехали во многом из-за этого. Я думал, что смена обстановки поможет. Но...

— Но пока он держится особняком, — закончила я за него.

— Да, — он вздохнул. — Поэтому я хотел попросить вас... если вы заметите что-то, если ему будет нужна помощь... Я знаю, это не входит в обязанности учителя литературы, но...

— Алексей, — я перебила его, чувствуя, как моё сердце сжимается от той искренности, с которой он говорил о сыне. — Я обязательно буду следить за ним. И если что-то пойдёт не так, я скажу. И помогу, чем смогу.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В этом взгляде было что-то, отчего у меня перехватило дыхание. Не только благодарность. Что-то ещё. Что-то, что заставило меня опустить глаза и уставиться на столешницу, где лежала стопка непроверенных сочинений.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Это... много значит.

— Не за что, — ответила я, поднимая глаза. — Это моя работа.

Наступила пауза. Мы стояли друг напротив друга, разделённые учительским столом, и я вдруг остро осознала, как близко он находится. Я могла разглядеть мелкие морщинки в уголках его глаз — не возрастные, а те, что появляются от улыбки. Могла увидеть, что его тёмные волосы на самом деле не просто тёмные, а с редкими серебристыми нитями, которые блестели в свете ламп. Могла почувствовать запах его одеколона — свежий, с нотами цитрусов и дерева, не резкий, но отчётливый.

— Я, наверное, пойду, — сказал он, но не сделал движения к двери. Стоял, глядя на меня, и в его глазах я читала что-то, отчего мои щёки начинали гореть.

— Да, конечно, — я сделала шаг назад, восстанавливая дистанцию. — У вас, наверное, дела.

— Дела, — он кивнул, но продолжал стоять. — Анна Сергеевна...

— Да?

Он помолчал, словно подбирая слова. Потом сказал:

— Вы сегодня очень хорошо выглядите. К празднику, наверное.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу, делая меня, наверное, пунцовой. Это был просто комплимент, вежливый, ничего не значащий. Но в его устах, после всего, что случилось вчера и сегодня... Я не знала, что ответить.

— Спасибо, — выдавила я. — Вы... вы тоже.

Он улыбнулся. По-настоящему, впервые за весь разговор. И эта улыбка изменила его лицо до неузнаваемости — оно стало открытым, почти мальчишеским, и грусть в глазах отступила куда-то вглубь, спряталась за этой тёплой, искренней улыбкой.

— Поздравляю вас с наступающим праздником, — сказал он. — Всего хорошего.

— И вас, — ответила я. — С наступающим... хотя это не ваш праздник.

— Почему же? — он уже взялся за ручку двери, но обернулся. — Весна — это общий праздник. И я тоже хочу улыбнуться весне.

Я замерла.

Эти слова. Точно такие же, как в записке. «Улыбнитесь весне».

Он сказал это специально? Или случайно? Я смотрела на него, пытаюсь понять, но его лицо было спокойным, без намёка на скрытый смысл.

— Всего доброго, Анна Сергеевна, — сказал он и вышел.

Дверь закрылась, и я осталась одна.

Ноги подкосились, и я опустилась на стул, чувствуя, как дрожат колени. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание перехватывало, в голове шумело.

Это был он.

Я была уверена теперь. Не на сто процентов — на тысячу. Это он купил те тюльпаны в киоске. Это он написал записку своим уверенным, красивым почерком. Это он стоял вчера вечером у школы, глядя мне вслед.

И сегодня он пришёл. Пришёл не для того, чтобы признаться, не для того, чтобы объяснить. Просто — поговорить о сыне. Просто — извиниться за телефон на уроке. Просто — поздравить с праздником.

Но эти слова. «Я тоже хочу улыбнуться весне». Они не могли быть случайными.

Я закрыла лицо руками и сидела так, пытаюсь унять бешеный пульс.

— Анна Сергеевна? — раздался голос в дверях. Я подняла голову и увидела Марину, которая заглядывала в кабинет с любопытством, не скрывая интереса. — С вами всё в порядке? Вы красная какая-то.

— Всё хорошо, — я попыталась улыбнуться, но, наверное, получилось не очень убедительно. — Просто... душно.

— Душно? — Марина удивилась. — На улице плюс пять, окно закрыто.

— Да, но... отопление сильно работает, — нашлась я. — Ничего, пройдёт.

Марина не поверила, я это видела. Но спрашивать больше не стала — только улыбнулась загадочно и сказала:

— Там к вам завуч заходила. Сказала, что после уроков зайдите, у неё какие-то бумаги на подпись.

— Хорошо, спасибо.

Она ушла, а я осталась сидеть, глядя на закрытую дверь, за которой только что стоял он. Алексей. Отец Серёжи. Мужчина, который подарил мне тюльпаны и назвал украшением весны.

Я взяла себя в руки, встала, подошла к окну. На парковке тёмный внедорожник всё ещё стоял на месте. Я видела, как Алексей вышел из школы, как сел за руль, как завёлся двигатель. Но машина не тронулась с места.

Он сидел там, за тонированными стёклами, и я не могла видеть его лица. Но почему-то была уверена, что он смотрит в сторону моего окна.

Я не отодвинулась. Не спряталась. Стояла, глядя на чёрный автомобиль, и чувствовала, как что-то происходит между нами — что-то, что не имело имён, не поддавалось логике, не вписывалось в привычные рамки «учитель — родитель».

Машина тронулась. Медленно, словно нехотя, выехала с парковки и скрылась за поворотом.

Я выдохнула. Только сейчас заметила, что всё это время не дышала.

Весь оставшийся день я работала на автопилоте. Провела урок в шестом классе — они читали басни Крылова, и я механически объясняла аллегории и мораль, не слыша собственного голоса. Проверила две стопки тетрадей — и только через час обнаружила, что одну из них

проверила дважды, а вторую — ни разу. Поговорила с завучем, подписала какие-то бумаги, не вникая в содержание.

Мысли были заняты другим.

Я прокручивала в голове каждую минуту разговора с Алексеем. Как он смотрел. Как говорил. Как его пальцы сжимали спинку стула. Как он улыбнулся на прощание. Как сказал про весну.

«Я тоже хочу улыбнуться весне».

Что это было? Намёк? Случайность? Проверка — поняла ли я?

Я не знала. И от этого незнания голова шла кругом.

К концу дня я была вымотана до такой степени, что с трудом собрала вещи и вышла из школы. На улице уже темнело — в марте дни становятся длиннее, но в пять часов вечера всё равно начинало смеркаться. Фонари ещё не зажглись, и серый, промозглый свет делал город каким-то ненастоящим, театральным.

Я шла домой медленно, не торопясь. Обычно в пятницу вечером я чувствовала облегчение — впереди выходные, можно не думать о школе, не проверять тетради, не вставать в шесть утра. Сегодня облегчения не было. Вместо него — странное, щемящее чувство, смесь надежды и тревоги, предвкушения и страха.

Дома меня встретила тишина. Моя маленькая однокомнатная квартира, обычно такая уютная, сегодня показалась пустой и чужой. Я прошла на кухню, поставила чайник, достала чашку. Взгляд упал на букет — тюльпаны стояли на столе, раскрывшиеся, яркие, живые. Я подошла, потрогала лепестки. Они были прохладными и нежными, как кожа.

— Кто ты? — спросила я вслух, глядя на цветы. — Зачем ты это делаешь? Чего ты хочешь?

Цветы молчали.

Я вздохнула, села на диван и взяла телефон. Нужно было позвонить Лене, рассказать ей о сегодняшней встрече, спросить совета. Но что я могла сказать? «Мне кажется, что отец моего ученика, который подарил мне цветы без подписи, сегодня пришёл в школу под каким-то странным предлогом и сказал фразу из записки»? Это звучало как бред. Как навязчивая идея. Как то, что психиатры называют «симптомом влюблённости».

Я отложила телефон. Не буду никому звонить. Не буду никому рассказывать. Побуду одна, переварю всё, решу, что делать дальше.

А что, собственно, делать?

Если Алексей действительно подарил мне цветы и не подписался — значит, он не хочет, чтобы я знала. Или хочет, но боится? Или проверяет? В любом случае, он не сделал первого шага. Он пришёл сегодня как родитель, говорил о сыне, вёл себя безупречно корректно. Комплимент про внешность — это ещё ничего не значит. Мужчины часто делают комплименты женщинам-учителям, особенно перед праздником. Это вежливость, не более.

Но фраза про весну... Она была слишком точной. Слишком.

Я встала, подошла к букету, вытащила записку из-под стеблей. Белый картон, красивый почерк. «Улыбнитесь весне. Вы её украшение». Я смотрела на эти слова и пыталась вспомнить, как Алексей написал своё имя, когда расписывался в журнале при входе. Я видела его подпись — кажется, она была похожа. Те же наклон, тот же размах.

Или это мне только казалось?

Я села на диван, положила записку на колени и уставилась в потолок. Мысли путались, сердце билось неровно, и всё тело было напряжено, как струна.

— Анна, — сказала я себе строго. — Ты учительница. Твоя работа — учить детей, а не гадать, кто из родителей в тебя влюблён. Если этот мужчина хочет что-то сказать — пусть скажет прямо. А если не говорит — значит, не хочет. Или не готов. Или это вообще не он.

Но внутри всё сопротивлялось этому голосу разума. Потому что — кто ещё? Кто ещё мог купить тюльпаны в киоске у школы, выбрать вазу, написать такую записку? Кто ещё мог стоять вчера вечером у школы и смотреть мне вслед? Кто ещё смотрел на меня сегодня в кабинете так, что у меня перехватывало дыхание?

Я взяла телефон, нашла в интернете стихи о весне, о любви, о надежде. Читала одну за другой, но ни одно не ложилось на душу. Потом наткнулась на строчки Пастернака:

«Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд,

Пока грохочущая слякоть

Весною чёрною горит».

Февраль прошёл. Наступил март. И вместо того, чтобы доставать чернила и плакать, я сидела в своей маленькой квартире, окружённая двадцатью одним тюльпаном, и чувствовала, как внутри распускается что-то новое, незнакомое, пугающее и прекрасное одновременно.

Я погасила свет, легла в постель и закрыла глаза. Перед внутренним взором снова возникло лицо Алексея — его тёмные глаза, его полуулыбка, его низкий голос, произносящий: «Я тоже хочу улыбнуться весне».

«Что же ты молчишь?» — мысленно спросила я его. — «Скажи мне прямо. Подойди. Признайся. Я не укушу».

Но ответа не было. Была только тишина, запах тюльпанов и глухая, щемящая надежда, которая не давала уснуть.

Я перевернулась на другой бок, уткнулась лицом в подушку и прошептала в темноту:

— Завтра. Завтра всё решится.

Я не знала, что именно должно решиться. Не знала, как это произойдёт. Но чувствовала, что завтрашний день, восьмое марта, принесёт что-то важное. Что-то, что изменит всё.

Я заснула только под утро, и мне снова снились тюльпаны. Целое море тюльпанов, жёлтых и оранжевых, и мужчина в тёмном пальто, идущий по этому морю навстречу мне.

А когда я проснулась, первые лучи солнца уже пробивались сквозь шторы, и часы показывали семь утра.

Восьмое марта началось.

Глава 3

Восьмое марта я встретила с чувством, которое никак не могла определить. Это было не просто ожидание праздника — в конце концов, в моём возрасте восьмое марта давно перестало быть днём, когда ждёшь чудес и подарков. Скорее, это было напряжение, смешанное с надеждой. Словно где-то в воздухе висела невидимая нить, и я ждала, что кто-то потянет за неё.

Я проснулась в семь утра — без будильника, что для субботы было странно. Обычно в выходные я позволяла себе валяться в постели до девяти, а то и до десяти, наслаждаясь редкой возможностью никуда не спешить. Но сегодня организм решил иначе: он поднял меня с первыми лучами солнца и не оставил выбора.

Я лежала, глядя в потолок, и прислушивалась к себе. Тело было отдохнувшим, голова — ясной, но где-то в груди теплилось то самое странное чувство, которое поселилось во мне три дня назад, когда я впервые увидела тюльпаны на своём столе. Оно не уходило. Оно росло, набирало силу, и сегодня, в праздничное утро, достигло своего пика.

Я встала, подошла к окну, раздвинула шторы. День обещал быть солнечным — небо было чистым, голубым, без единого облачка, и даже сквозь ещё голые ветви деревьев чувствовалось, что весна наконец-то вступила в свои права. На подоконнике в моей маленькой кухне стояли тюльпаны — те самые, из учительской. Они прожили уже три дня, но выглядели так, словно их только что срезали: упругие стебли, яркие, широко раскрытые бутоны, насыщенный, чуть сладковатый аромат. Я подошла, потрогала лепестки — они были прохладными и бархатистыми, как в первый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.